

Рахманинова Мария Дмитриевна

ВЛАСТЬ И ЛЮБОВЬ В ЛЕВОМ ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена изучению того, как левый гендерный дискурс осмысляет феномен власти применительно к любви как одной из самых значимых вербализаций человеческого бытия. Производится анализ осуществления (и принятия) власти в условиях патриархальных и мизогиничных тенденций современного общества, а также того, как эти тенденции формируют мужской и женский субъекты, встраивающиеся в дискурс любви, понимаемой в терминах власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 148-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17.022.2

Философские науки

Данная статья посвящена изучению того, как левый гендерный дискурс осмысляет феномен власти применительно к любви как одной из самых значимых вербализаций человеческого бытия. Производится анализ осуществления (и принятия) власти в условиях патриархальных и мизогиничных тенденций современного общества, а также того, как эти тенденции формируют мужской и женский субъекты, встраивающиеся в дискурс любви, понимаемой в терминах власти.

Ключевые слова и фразы: власть; левый дискурс; любовь; мужчина; женщина; трансцендентное; имманентное.

Рахманинова Мария Дмитриевна, к. филос. н.

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

Nordseeinsel@yandex.ru

ВЛАСТЬ И ЛЮБОВЬ В ЛЕВОМ ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ[©]

Для наиболее полного анализа категории власти необходимо произвести исследование её вербализаций применительно к ряду фундаментальных феноменов человеческого бытия – таких как, например, любовь.

Любовь современного типа – явление крайне недавнее. С одной стороны, это связано с тем, что сама по себе категория «личности» является весьма юной, а с другой – с традицией гендерной сегрегации западноевропейского общества. Зарождение любви в современном смысле этого слова принято относить к эпохе рыцарства, когда так называемый образ прекрасной дамы начал вытеснять в сознании мужчин господствовавшую до этого мизогинию, выработанную веками патриархального уклада. В этот период отношения между мужчиной и женщиной впервые индивидуализируются и наполняются личностным смыслом [2].

Мужчина из субъекта владения женщиной становится субъектом вождения и восторга, своего рода романтиком: впервые он готов воспринять женщину иначе, как в функциональном (хозяйственном, репродуктивном, сексуальном) аспекте. Это обстоятельство отчасти связано с переосмыслением гностического образа Богородицы как его понимали ранние христиане: претерпевая размывание и деперсонализацию, этот образ и даёт начало абстрактному образу прекрасной дамы, которая, как мы видим на примере поэзии Данте, также обожествляется и прославляется. Такой взгляд, несомненно, положительно сказался на отношении к женщине в целом, хотя и не искоренил патриархального порядка.

Впрочем, Данте так и не удалось до конца индивидуализировать любовь как таковую: прославляемая женщина по-прежнему воспринималась как абстракция, а не как субъект, наделённый собственной историей и спецификой, собственной материей. Так, например, образ Беатриче – это совсем не образ живой женщины из плоти и крови, но, скорее, восторженная мужская галлюцинация по поводу женщины, его интерпретация того, как он её себе представляет. Иными словами, в этой схеме женщина по-прежнему деиндивидуализирована как субъект, хотя уже и не редуцирована к функции или, как это происходит в ортодоксальной христианской традиции, представленной, например, апостолом Павлом, не демонизируется и не именуется вратами Ада.

Примечательно, что ситуация абстракции, которую в рыцарской любви преодолевает для себя мужчина, но которая лишь трансформируется для женщины, свойственна и современным формам любви: причём как для женщин, так и для мужчин. С точки зрения левого гендерного дискурса, на сегодняшний день это связано с рядом обстоятельств – главным образом, с рыночной экономикой и капиталистическим мышлением, конструирующими человека как абстракцию в принципе. Унификация индивидуального, характерная для логики рынка, превращает женщин в субъектов потребления женских товаров и схем поведения, а мужчин – в субъектов потребления товаров и схем для мужчин, а также и тех, и других – в субъектов определённо структурированного потребления друг друга. Фактически рынок любовных продуктов генерирует некую абстрактную машину любви, попасть в которую стремятся большинство мужчин и женщин как в нечто внешнее им обоим и каждому из них в отдельности, своего рода гламурную квазиутопию, выглядящую весьма карикатурно и отчуждённо даже на фоне не до конца индивидуализированных любовных отношений периода рыцарства.

Неудивительно, что одним из главных последствий этой машины для общества становится тотальный кризис любовных отношений, держащихся зачастую лишь на попытках соответствовать утопическим сценариям рынка: даже после нескольких лет жизни люди оказываются чужими друг другу, утрачивают радость и тепло, как только все существующие сценарии уже проиграны, а процедуры – выполнены. Эта проблема носит системный характер и в левом дискурсе осмысляется как порождённая отчуждением капиталистической системы общественно-экономического бытия, то есть, в сущности, как проблема власти капитала над человеком и обществом, ловящая их в свои заточенные на прибыль сети.

Э. Фромм пишет об этой тенденции в любовных отношениях так: мужчина и женщина становятся в этом опыте объектами потребления друг для друга, потому что их взаимодействие должно обеспечить каждому из них пропуск в утопию, столь интенсивно рекламируемую в визуальном пространстве медиа. В гендерном дискурсе именно это обстоятельство становится одним из центральных пунктов критики так называемой

романтической любви, на деле представляющей собой исключительно сумму унифицирующих всех людей виртуальных образов, которые тщательно проигрываются ими в повседневных практиках [10].

Одну из причин подобного отчуждения Э. Фромм предлагает искать в традиции непрерывного потребления, порождённой властью рынка и вытесняющей ориентацию человека на бытие. Этот взгляд подробно изложен в книге «Иметь или быть» и подразумевает под собой классификацию внутренних установок субъекта на бытие и на обладание – вне зависимости от рода практик, в которых эти установки задействуются. В частности, Э. Фромм рассматривает эти установки на примере любви, утверждая, что мужчина и женщина фактически становятся друг для друга товаром на рынке престижа, удовольствий и развлечений [9]. Схожие идеи мы находим и у представителя экзистенциалистского психоанализа В. Франкла: «Любой флирт, типичные ухаживания прошлого и настоящего бессознательно игнорируют внутреннее содержание партнера. Неповторимость и своеобразие другого человека умышленно упускаются при контактах подобного толка. Люди, которые увлекаются такой поверхностной эротикой, убегают от обязательств настоящей любви, от любых истинных уз с партнером, потому что такие узы влекут за собой ответственность» [7].

Подобная проблема является вполне типичной для системы, в которой человек отчуждён от самого себя и других людей посредством власти капиталистических общественных отношений, побуждающих человека видеть окружающий мир как сумму потенциальных объектов его потребления, и при этом – разного качества. По-видимому, не в последнюю очередь именно отсюда берут своё начало такие распространённые для повседневности феномены, как проституция, порнография, так называемый «пикап» (практика соблазнения девушек для кратковременного использования) и потребительское отношение к партнёру в целом.

Примечательно, что в наибольшей степени это характерно для мужчин с типичной маскулинной социализацией. Во-первых, потому что в обществе с явными тенденциями к патриархату мужчина представляет собой главный экономический субъект (такой взгляд в России никогда так и не был преодолен), и потому вышеуказанные феномены ориентированы прежде всего на него (среди рекламы проституции, которой заполнены современные города, совсем не встречается мужских имён, а основными потребителями порнографии и практиками «пикапа» также всегда являлись мужчины), а во-вторых, потому что за длительный период патриархальной власти женщина адаптировалась к роли объекта, осуществив интернализацию мужской власти, и в существенной степени произвела бессознательную редукцию себя к эстетическому и функциональному аспектам.

Откуда же возникает в человеке потребность в любви? В левом гендерном дискурсе существует идея о том, что эта потребность возникает с того момента, как человек осознаёт себя отдельным от мира. Например, К. Ясперс описывает этот период как движение «от мифа к Логосу», когда человек впервые «выпадает» из мифологического мировоззрения и обнаруживает себя оставленным высшими силами, духами и прочими мифологическими персонажами, которые ранее составляли для него естественный контекст бытия. В сущности, в этот момент он впервые по-настоящему чувствует одиночество и, как следствие, самое себя – не тождественное миру [12]. Э. Фромм продолжает эту мысль, утверждая, что именно «глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества. <...> Панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отдельности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать» [10].

Способов преодоления этого чувства – множество. Один из них – то, что Б. Паскаль метко назвал «забавами» [6] (сегодня мы бы назвали это развлечениями: не эта ли индустрия претендует сегодня на спасение человека от экзистенциального вакуума?). Другие наиболее распространённые способы преодоления подобного одиночества – забвение в роскоши или, напротив, в аскезе, а также творчество, политика, милитаризм или патриотизм, разнообразные наркотики, вплоть до мании коллекционирования, и, конечно, любовь. Стремление к обретению последней усиливается по мере того, как в обществе разворачиваются разнообразные кризисы (экономические, идеологические, и т.д.), в том числе экзистенциальный кризис личностной идентичности, характерный для периодов острой социальной аномии. Однако необходимо определить, как в эти периоды экзистенциального кризиса понимается любовь.

Во-первых, наряду с большинством прочих феноменов окружающего мира, как нечто, способное развлечь человека, позволить ему расслабиться. Не будет преувеличением сказать, что любовь понимается как место, куда можно прийти и получить надлежащее обслуживание. Подобным же образом понимается секс, что отчётливо отражено в распространённости в обществе порнографической продукции. В обоих случаях речь идёт не о встрече двух субъектов, ориентированных на восприятие друг друга, а о появлении чего-то третьего, внешнего обоим субъектам и являющегося настоящей целью взаимодействия. Это «третье» вполне можно определить как удовольствие. Э. Фромм называет такой подход «ориентацией на обладание» [9].

Во-вторых, любовь, несомненно, понимается как власть в буквальном смысле слова. Представительница левой гендерной мысли Симона де Бовуар обращает внимание на то, что в повседневном словоупотреблении любовный дискурс странным образом коррелирует с дискурсом военным: «...когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция, то есть совершенно явно проводят параллель между любовью и войной. Этот акт приводит к осквернению одного существа другим и внушает осквернительно определенную гордость, оскверненный же, даже если все произошло с его согласия, испытывает унижение» [3].

Таким образом, в обоих случаях любовь воспринимается как инструмент власти и господства: в первом – потому что понимание любви как сервиса предполагает превращение партнёра в обслуживающий персонал,

а во втором – потому что речь идёт не об экзистенциальном единении с партнёром, а о его порабощении. В обоих случаях любовь – безличностна, то есть, по сути дела, существует только в виде слова, скрывающего отчуждённую пустоту, в которой так и не встретились два субъекта в полноте своего бытия. А значит, говорить в этих случаях о любви – не вполне правомерно.

Но когда же это правомерно? Как определить эти ситуации? Э. Фромм предлагает несколько критериев, по которым мы можем распознать любовь зрелой личности. Первый из них – ответственность, подразумевающая заботу о психических и физических потребностях другого человека. Второй – уважение, но основанное не на страхе и благоговении, как это часто бывает в патриархальном обществе, а на готовности и способности видеть человека таким, каков он есть на самом деле. Третий компонент – забота, и четвёртый – знание, необходимое для того, чтобы стало возможным уважение, поскольку без знания конкретного человека его невозможно уважать. В. Франкл добавляет к этому, что любовь позволяет нам не просто увидеть другого человека во всей его самости, но также и увидеть его ещё нереализованный потенциал и поддержать его в полном осуществлении своих возможностей и талантов [7]. Именно такой, с точки зрения гуманистического и экзистенциального психоанализа, должна быть любовь двух взрослых людей, вне зависимости от типа и направленности этой любви.

Однако большинство людей, живущих при капитализме, всё же полагают, что любовь зависит от объекта, а не от них самих и их способности и готовности любить (а не господствовать и потреблять), не от их внутренней активности и силы духа. Они считают, что достаточно только найти «свою вторую половинку» (то есть правильный объект), и дальше всё сложится само собой. Э. Фромм сравнивает эту установку с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, дожидается правильного объекта, потому что как только тот найдётся, он сразу же научится рисовать [10]. Очевидно, что такое представление является заблуждением, и потому Э. Фромм настаивает на отходе от классической легенды о «двух половинках» и спасительной любви, с целью постижения любви подлинно субъективной и глубоко личностной.

Для анализа специфики любви между мужчиной и женщиной и форм, которые она принимала, мы обратимся к С. де Бовуар и Э. Гольдман. С. де Бовуар, вслед за А. Бебелем, Ф. Энгельсом и И. Блохом, отмечает, что главным типом взаимоотношений между мужчиной и женщиной испокон веков были брак и проституция (Энгельс прямо называл её оборотной стороной брака [11, с. 71-76]). В первом случае женщина попадала под единоличную власть мужчины, а во втором – под власть того, кто ею торговал и кто её покупал. Поэтому в обоих случаях эти отношения не имели ничего общего с любовью. Последняя впервые появляется, как мы отмечали выше, во времена рыцарства, но лишь в форме адюльтера, лишней раз подчёркивавшего репрессивный характер брака для женщины. Впервые в браке появляются по-настоящему индивидуальные компоненты лишь с появлением тенденций женской эмансипации.

В самом деле, чувственность и эмоциональность табуированы для женщины в классическом браке. В своём труде «Величие и ограниченность теории Фрейда» Э. Фромм пишет, что именно это социальное, гендерно-нормативное обстоятельство послужило причиной для ошибочного вывода Фрейда о том, что женщины якобы холодны по природе, в то время как дело лишь в собственническом характере буржуазного брака, где «от женщины ожидалось, что она будет “безжизненной”» [8, с. 19]. Согласно статистическим исследованиям [3], многие поколения женщин проживали свою жизнь, так никогда и не испытав любовного влечения к супругу, не говоря уже об удовольствии от близости с ним. В условиях неизбежности навязывания партнёра и тяжёлого домашнего труда женщины предсказуемо сходились в восприятии секса как грязного и утомительного долга. Поэтому С. де Бовуар приходит к выводу о том, что «брак, который, как утверждают, упорядочивает женскую эротику, на самом деле убивает её. <...> Любовное влечение в браке теряет существенность, брак становится общественным союзом, отрицающим индивидуальные эротические особенности» [Там же].

Таким образом, по вопросу о браке С. де Бовуар явно расходится с Э. Фроммом. Если Э. Фромм полагает, что брак может и не быть репрессивным, но только в случае преодоления субъект-объектного отношения между партнёрами и смены «установки на обладание» – «установкой на бытие», то С. де Бовуар утверждает, что брак ни при каких обстоятельствах не может быть созидательным и освобождающим. Она считает, что сам институт брака в основе своей порочен и репрессивен и обрекает женщину на подчинение, а мужчину – на гетеризм, и их обоих – на ложь и лицемерное соблюдение общественных социальных императивов. С этой позицией выражали согласие и многие другие мыслители (например, Ф. Энгельс, И. Блох, и др.).

Солидарна с ней была и Э. Гольдман. Она находила недопустимым проводить связь между любовью и браком и считала, что если брак в некоторых случаях и может вырасти из любви, то наоборот не может быть никогда [4]. Потому что брак – это институт патриархальной и экономической власти, представляющий собой своего рода социальную страховку и способный разве что обеспечивать надёжное наследование частной собственности. Ради этой собственности женщина вынуждена пожертвовать своим духом и телом, в том числе отказывая себе в сексуальном наслаждении, потому что в случае отказа от подобного воздержания её ожидает клеймо позора: как до заключения брака, так и после. Общественная мораль предписывает женщине всегда кому-то принадлежать и при этом терпеливо ждать, пока порядочный человек возьмёт её в жёны. В таких условиях брак превращается в пространство тотальной власти государства и церкви, не оставляющих шансов ничему индивидуальному и интимному – как в душе женщины, так и в её отношениях с супругом.

Э. Гольдман также отмечает, что брак похож на другой институт патерналистской власти – на капитализм: он также крадёт у человека права, данные ему при рождении, чтобы затем задерживать его развитие, отравлять его тело и держать его в невежестве, нищете и зависимости. Примечательно, что Э. Гольдман хвалит Г. Ибсена за то, что он первым среди писателей обратил внимание на эту проблему и описал её в своей

пьесе «Кукольный дом» [5], в центре которой стоят вопросы: может ли быть что-либо более унижительное, чем союз двух чужих человеческих существ длиною в жизнь? Так ли уж безупречен консервативный тезис о том, что у женщины нет даже души, поэтому нам незачем стремиться что-то знать о ней? Действительно ли брак – это предел женской самореализации?

Таким образом, в левофеминистской традиции брак осмысливается как институт власти, подавляющий любовь системой патриархальных императивов, а также как область символического и бытового ритуала, а отнюдь не как пространство, где мужчина и женщина могут появиться в своей личностной специфике и индивидуальной сексуальности и соединиться в любви.

Кроме того, в левом гендерном дискурсе уточняется, что понятие «любовь» крайне различно понимается мужчинами и женщинами, – что вполне предсказуемо и вызвано различиями в их социализации. Так, для мужчины любовь – это лишь один из аспектов бытия, лишь одна из областей его возможной самореализации, в то время как для женщины это – целый мир, заслоняющий собою всё остальное. Такой взгляд продиктован, прежде всего, воспитанием женщины исключительно как представительницы пола, а не как человека в полном смысле этого слова, т.е. как того, чьё бытие ограничено репродуктивной, сексуальной, хозяйственной и эстетической функциями. В их преломлении любовь – это большее, о чём только можно мечтать, потому что каждая из них представлена именно в контексте любви – как она понимается патриархальным обществом: лучшее, что может сделать женщина в эстетическом измерении – стать самой прекрасной для своего любимого мужчины, в хозяйственном измерении – наилучшим образом обслужить любимого мужчину, в сексуальном измерении – максимально удовлетворить любимого мужчину. И в обмен на это получить его одобрение и патерналистскую заботу. Именно поэтому любовь для патриархальной женщины, с одной стороны, неизбежно сопровождается интернализацией патриархальной власти – в той мере, в какой все эти требования выдвинуты в интересах мужчин, а с другой – является последним мыслимым горизонтом бытия – в той мере, в какой женщине недоступно бытие за пределами этих её трёх опций. По этой причине любовь часто становится для женщины некой навязчивой идеей – ведь в случае её ненаступления весь смысл женского бытия (сведённого к опциям эстетики, хозяйства и секса) утрачивается, поскольку некому его посвятить: не для кого быть прекрасной, некого насыщать и удовлетворять, для чего тогда жить? С. де Бовуар пишет об этом так: «...у неё есть только одна возможность: душой и телом затеряться в том, кто преподнесён ей как абсолютная ценность» [3].

Это обстоятельство подводит нас к проблеме корреляции гендерного и негендерного начал в человеческой личности. Иными словами, это – проблема трансцендентного и имманентного в мужчине и женщине. Так, если мужчина способен и к трансцендентности (к преодолению гендерного сценария в опыте общечеловеческого бытия: например, профессионального, творческого, и так далее) и к имманентности (то есть реализации специфически гендерных аспектов своей личности), то женщина фактически обречена на имманентность, никогда не покидая пределов специфически женского, и притом в той форме, в какой оно фигурирует и навязывается ей в авторитарных патриархальных нарративах. Именно с этой проблемой связана зацикленность женщины на любовных переживаниях (что зачастую предсказуемо утомляет мужчину и разочаровывает его в женщинах вообще), которые в действительности трудно отнести к любви в подлинном смысле слова, поскольку они проистекают не из полноты зрелой творческой личности, а от страха не реализовать свой гендерный потенциал, а также от экзистенциальной пустоты, порождаемой редукцией человеческой личности женщины к рассмотренным выше гендерным аспектам.

Для мужчины эта ситуация, напротив, не является типичной, поскольку над ним не осуществляется никакой гендерной власти, принуждающей его к замкнутому бытию в имманентности и отказу от реализации своего трансцендентного потенциала. Поэтому, с одной стороны, для мужчины любовь в большей степени доступна именно в экзистенциальном смысле этого слова. Однако, с другой стороны, в патриархальном обществе мужчина часто сталкивается с искушением маскулинной имманентностью, поскольку, в отличие от имманентности женщин, маскулинная имманентность сулит власть. Не являясь обязательной, она тем не менее является крайне соблазнительной, и потому часто (и особенно в любви) мужчина упускает имеющуюся у него возможность любить как зрелая личность и ограничивается лишь мужской «любовью», т.е. тем сценарием потребителя и клиента, который предписывает мужчине патриархальный любовный дискурс. И хотя в условиях господства современного рыночного мышления мужчины всё реже используют свою привилегию самореализации в обоих пространствах и всё больше погружаются в соблюдение маскулинных сценариев, как женщины – в соблюдение феминных, всё же важно различать эти две ситуации: редукция к образу «самца» обедняет личность, но увеличивает власть, и потому часто осуществляется добровольно. Редукция же к ситуации «самки» – всегда в той или иной степени принудительна и сопровождается интернализацией власти.

Таковы основные причины различий в переживании любви и власти между мужчинами и женщинами в патриархальном обществе. Именно с этим связан целый ряд проблем, с которыми сталкиваются люди на протяжении своей жизни, выстраивая любовные отношения: разочарование, презрение, унижение, домашнее насилие, ревность, разводы, распад семьи, и так далее. И именно поэтому данная проблема является исключительно важной и актуальной.

Подведём итоги. Каким же образом, с точки зрения левого гендерного дискурса, возможна любовь, свободная от власти?

Во-первых, для этого необходимо, чтобы мужчина осознал проблемы, порождённые долгой патриархальной историей западноевропейского общества, а также те привилегии, которыми его наделил патриархат в отношении женщины (право быть единственным легитимным экономическим и сексуальным субъектом, эксклюзивное

право на трансценденцию, право на уважение и признание в качестве единственного субъекта, значимого для культуры высказывания, право субъекта власти, и так далее). На основании этого осознания мужчина должен пересмотреть свой взгляд на женщину, разглядев в ней самобытную личность, не редуцируемую к репродуктивной, сексуальной, эстетической и хозяйственной функциям. Лишь при условии таких перемен в мужском сознании женская эмансипация может состояться в полной мере и высвободить женский субъект.

Во-вторых, необходимо, чтобы женщины пересмотрели собственный взгляд на себя – как априорный объект патриархальной власти, как на существо, исчерпывающе подчинённое роду и физиологии, не способное на бытие субъектом. Освобождение от интернализированной власти патриархата – главная задача, стоящая на этом пути перед женщинами. Только стремление осознать ситуацию этой власти может эмансипировать женский субъект и сделать для него доступной именно любовь (в экзистенциальном смысле), а не восторг от осуществляемой над ним власти и не готовность служить ей, чтобы хоть как-то почувствовать полноценность своего бытия.

В-третьих, необходимо переосмысление образа женщины самой патриархальной культурой. Традиционно репрезентация женщины в культуре осуществляется как репрезентация Другого. В лучшем случае женщина воспринимается как Сфинкс, загадка, облако тайны [Там же].

Образ женщины в культуре есть мифологическая форма, по Барту [1, с. 291]: из него исчезает реальное содержание, плоть и кровь, чувства, мысли, опыт, и всё это заменяется содержанием, сконструированным искусственно – с точки зрения патриархального дискурса. Женская личность в целом и женская телесность в частности не представлены в культуре как таковые, но всегда лишь в интерпретации мужского взгляда, что усугубляется веками недоступности для женщины пространства формирования собственного высказывания о себе, взгляда на себя. Всё это положило начало глубинным традициям объективирования женщины, в конечном итоге уверяющего не только мужчину, но и её саму в том, что она объект, и при этом именно такой, как его описывает мужской язык культуры. Очевидно, что до тех пор, пока этот язык не изменится, репрезентация женщины с неизбежностью будет формировать во всё новых поколениях мужчин образ женщины, не заслуживающий экзистенциальной любви, а в новых поколениях женщин – образ себя как объекта.

Именно поэтому изменение языка культуры и преодоление в нём монополии мужского взгляда, конструирующего женщину как Другого, является одним из способов содействия освобождению женского субъекта. Совокупность же перечисленных трёх факторов представляет собой важнейшее условие, без которого любовь между мужчиной и женщиной, свободная от власти и подчинения, с точки зрения левого гендерного дискурса, – невозможна.

Список литературы

1. **Барт Р.** Мифологии / пер. с фр. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
2. **Блох И.** История проституции / пер. с нем. М. – СПб.: АСТ-Пресс; Фирма «Рид», 1994. 543 с.
3. **Бовуар С. де.** Второй пол [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Bovuar/ (дата обращения: 21.03.15).
4. **Гольдман Э.** Брак и любовь [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/emma-goldman-brak-i-lyubov> (дата обращения: 21.03.15).
5. **Ибсен Г.** Кукольный дом [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/IBSEN/kukl.txt> (дата обращения: 22.03.15).
6. **Паскаль Б.** Мысли [Электронный ресурс]. URL: <http://vzms.org/pascal.htm> (дата обращения: 20.03.15).
7. **Франкл В.** Человек в поисках смысла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=5173> (дата обращения: 19.03.15).
8. **Фромм Э.** Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. 221 с.
9. **Фромм Э.** Иметь или быть? [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe2.txt> (дата обращения: 20.03.15).
10. **Фромм Э.** Искусство любви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tchernyshova.ru/Fromm-Iskusstvo-1.html> (дата обращения: 20.03.15).
11. **Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства / пер с нем. СПб.: Азбука-классика, 2009. 252 с.
12. **Ясперс К.** Истоки истории и ее цель [Электронный ресурс]. URL: http://www.ec-dejavu.net/j/Jaspers_axis.html (дата обращения: 21.03.15).

AUTHORITY AND LOVE IN LEFT-WING GENDER DISCOURSE

Rakhmaninova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy
National Mineral Resources University (Mining University)
Nordseeinsel@yandex.ru

The article aims to study how left-wing gender discourse interprets the phenomenon of power in relation to love as one of the most significant verbalizations of human existence. The paper analyzes the implementation (and adoption) of power under the conditions of the patriarchal and misogynic tendencies of modern society. The author also explores how these tendencies form male and female subjects integrated into the discourse of love interpreted in terms of power.

Key words and phrases: power; left-wing discourse; love; man; woman; transcendental; immanent.